

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.009

**Cultural studies как альтернативная грамматика
дискурса о культуре: неомарксистские рецепции
и социально-политическая практика**

Беляев Дмитрий Анатольевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии, социологии и теологии,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Кондратюк Ирина Михайловна

Аспирант,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: irinakondr4@mail.ru

Нелюбова Ирина Вячеславовна

Аспирант,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: nelubowa@mail.ru

Трубицин Александр Геннадьевич

Аспирант,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: trubicin.1985@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается исследовательская программа cultural studies как разновидность современного культурологического дискурса. Реконструируются смысловые основания cultural studies, которыми выступают неомарксистские концепции А. Грамши и Л. Альтюссера. В частности, выявляется рецепция в cultural studies идей Альтюссера о новом субъекте истории и социальной интенции к выстраиванию

идентичности. Отдельно анализируется связь cultural studies с протестными движениями и проблематикой дискриминационных групп. Констатируется наличие важной практикоориентированной политической составляющей в дискурсе cultural studies. Также проводятся рецептивные параллели между критикой междисциплинарной власти в постструктуралистской философии М. Фуко и интенцией на преодоление закрепощенности человека собственной индивидуальностью в cultural studies. Наконец, выявляются основные культурные элементы в теории циркуляции культур, сформулированной в рамках cultural studies. Делается вывод об эвристической продуктивности методологических структур cultural studies для экспликации феномена культуры в его практическом измерении и о важности данной исследовательской программы для развития современной культурологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Беляев Д.А., Кондратюк И.М., Нелюбова И.В., Трубицин А.Г. Cultural studies как альтернативная грамматика дискурса о культуре: неомарксистские рецепции и социально-политическая практика // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 1А. С. 73-80. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.009

Ключевые слова

Cultural studies, Альтюссер, Холл, социальный протест, дискриминационные группы, культура.

Введение

Культурология, дисциплинарно оформившись лишь в середине XX в., сегодня является одной из наиболее динамично развивающихся областей социально-гуманитарного знания и имеет вполне обоснованные претензии на широкую междисциплинарность. Она пытается вобрать в себя теоретические наработки из философии, истории, искусствоведения, политологии и социологии, объединив их под общим «культурным знаменателем». В частности, заметным феноменом в науке о культуре стала исследовательская программа cultural studies, опиравшаяся на актуальные социальные теории и практики, выработав новые подходы к рассмотрению культуры [Коваленко, 2011, 25-27].

Между тем, отечественная культурология, представленная большинством исследований по теории и истории культуры, развивается во многом обособленно от западноевропейской и североамериканской научной традиции. В ней преобладают два направления – философско-теоретическое и регионально-дескриптивное. В первом случае исследования носят подчеркнуто концептуально-отвлеченный характер, зачастую обладая схоластическим «послевкусием». Например, уже в течение более 30 лет продолжается дискуссия о различении понятий «теория культуры» и «философия культуры». В рамках регионально-дескриптивных культурологических изысканий, как правило, происходит описание того или иного локального культурного феномена вне широкого культурного контекста, и оно лишено концептуальных обобщений. Одновременно рецепция иностранных тенденций изучения культуры весьма ограничена и в ряде случаев даже фактологически некорректна. Так, Ю.В. Ларин трактует понятие «cultural studies» как культурологию, науку о культуре в целом, игнорируя его вполне конкретный и особый смысл в контексте зарубежной культурологии [Ларин, 2013, 57-59]. Это,

на наш взгляд, серьезно обедняет отечественный академический дискурс о культуре, что создает необходимость к освоению опыта передовых культурных исследований Европы и США.

В этой связи нам представляется эвристически полезно обратиться к аналитике уже упомянутой культурной исследовательской программы cultural studies. Думается, что понимание теоретических и социально-практических оснований cultural studies и освоение ее методологических приемов позволит расширить отечественный культурологический дискурс, создав перспективы создания новых исследовательских практик экспликации культуры.

Основная часть

Для адекватного понимания содержания и целей cultural studies необходимо пояснить теоретическую и социокультурную генеалогию ее возникновения, имеющую тесную связь с развитием марксизма, структурализма, а также практикой левых движений в 50-60 гг. XX века.

Итак, одним из парадоксов развития гуманитарных наук в США стало восприятие структурализма в смысловой связке с марксизмом. Значительная часть американских структуралистов опиралась не только на изучение языка и культуры, но и на ту новую критику идеологий, которую, в частности, предлагали такие неомарксисты как Антонио Грамши и, в особенности, Луи Альтюссер. Этот марксистский структурализм пришел в США на смену другой практике работы с культурой, которая называлась «новая критика». Именно американское левое движение в 60-80 гг. выступало против «новой критики» как консервативно-элитистского проекта, развивая целый спектр исследования культурной идентичности, тесно связанный с вопросами расы, класса, нации и др.

В частности, марксистский структурализм обрушился на «новую критику» за ее презентационизм, т.е. за то, что она исследует не идеи, не глубинные закономерности, а исключительно внешние их подобию; что любое явление культуры рассматривается как манифестация, но центра у этой манифестации нет, и что именно манифестируется – непонятно. Именно здесь и пригодилась марксистская критика ложного сознания как отсутствие структурного видения собственного положения. Напомним, что по Марксу раб или любой угнетаемый обладает ложным сознанием, поскольку трактует свое положение не как реально объективную экономическую ситуацию, а как фатальную, объясняя все происходящее с помощью мифологии, религии или идеологии. Но мы адекватно не поймем этого марксистского структурализма, если не обратимся к оригинальной интерпретации марксизма Альтюссером.

Основная новизна идей Альтюссера в том, что он по-другому видит субъекты истории. Для классического марксизма субъект истории всегда в известной степени антропоморфен. Альтюссер же говорит о том, что субъектом истории является не какой-то класс, социальный порядок, не какая-то нация, а сам конфликт, который и производит историю. В этом смысле французский мыслитель гораздо ближе к современному социологическому интеракционизму, в котором отношения предшествуют субъектам, чем к науке XIX в., для которой субъект является высшей формой организации сознания. Соответственно, ложное сознание является признаком недоделанности субъекта, его неполноценности.

Другая особенность подхода Альтюссера – это трактовка им политической реальности. В марксизме политическая реальность является инобытием экономической реальности. Здесь дает о себе знать то, что Маркс строил свою теорию из элементов гегелевской диалектики, использовал привычные понятия о тезисе и антитезисе, бытии и инобытии, о самоотрицании

для понимания отношений между сложными объектами познания, такими как личность и общество или политика и экономика [Williams, 1980, 98-104]. С точки зрения Альтюссера такие противопоставления, как личность и общество или политика и экономика, представляют собой проекцию предрассудков картезианского дуализма на формализацию сложных систем. Поэтому необходимо видеть политику в контексте структуры устойчивых интеракций, системы интерпретаций материального мира с помощью некоторых условных знаков и символов [Göttlich, 2008, 96-99].

Именно эти два утверждения о субъекте истории и о том, что любая идентичность выстраивается с помощью нарратива и через посредство простого переименования, легли в основу *cultural studies*.

Cultural studies – это широкая и значительная программа, которая зародилась в 50-е гг. XX в. в Великобритании. Она непосредственно связана с Бирменгеймским центром культурных исследований и с его главой – С. Холлом. *Cultural studies* является не только научным дискурсом, она тесно связана с политической судьбой левых течений в послевоенной Европе. Вообще в данной исследовательской программе достаточно сложно провести четкое различие между политической и собственно научно-аналитической составляющими. В этом аспекте *cultural studies* значительно отличаются от, к примеру, немецкой традиции культурных исследований, представленных в работах Г. Зиммеля и М. Вебера, тяготеющих к аксиологической акцентуации в понимании культуры. Более того, Вебер настаивал на политической нейтральности культуры [Катаев, 2013, 202-203].

Основные черты *cultural studies*, как исследовательской программы, тесно связаны с политическими реалиями в послевоенной Европе. В это время формируются основы социального государства, что приводит к утрате левыми движениями своего главного политического субъекта – пролетариата. Он перестает быть носителем протестного сознания, что привело к смене оптики взгляда на общество, частью чего и стала *cultural studies* [Williams, 1989, 89-95].

На место пролетариата левацки-ориентированная европейская интеллигенция выдвинула молодежь. Им особенно импонировала протестная энергетика молодежных контркультурных движений, которые политически проявили себя во Франции в 1968 году. Из этой изначальной акцентуации на молодежных социально-политически ориентированных движениях сформировался исследовательский фокус *cultural studies* на проблематике дискриминационных социальных групп [Hall, 1981, 26-30], например, на темах, связанных с гендером, феминизмом и расизмом. При этом ставится под вопрос идентичность как таковая, определяясь как проявление ложного сознания.

Содержательно *cultural studies* можно определить больше как политическую программу, которая ориентировалась на артикуляцию и аналитику культурного по изначальной форме конфликта, имеющего имплицитное политическое содержание. Более того, описание дискриминационных социальных групп в *cultural studies* изначально имело свои вполне конкретные практические цели – сформировать и пробудить новых политических акторов [Hepp, Winter, 2009, 11-14]. Одновременно исследовательская парадигма *cultural studies* внесла весомый вклад в экспликацию феномена культуры, а точнее, в акцентуацию на нем в социально-гуманитарном дискурсе, что значительно укрепило и легитимировало теоретические основания наук о культуре.

В рамках cultural studies формируется понимание важности культуры как комплексного феномена, абсорбирующего конфликты. Она препятствует развитию политических конфликтов в наиболее радикальных, разрушительных формах. Ей имманентна ориентация на согласие, которая снижает объективные социально-экономические противостояния [Тарасов, 2012, 183-184]. Поэтому вполне естественно, что одной из центральных теоретических фигур для Cultural studies является А. Грамши и разработанная им теория гегемонии. Согласно последней в западных обществах существует высокоразвитая культура, которая стабилизирует социально-экономические конфликты, не позволяя им выйти на революционный уровень [Задворнов, 2007, 91-93].

В работах теоретиков cultural studies Хогарда, Уильямса, Томсана большое внимание уделяется расширению понятия культуры, которая рассматривается как целостность, «всеобъемлющий путь жизни» (Уильямс). С учетом левых корней cultural studies вполне понятно особое внимание к рассмотрению пролетарской культуры (Хогард). Этот перенос внимания со структур на индивида, на смысловой горизонт его поведения, т.е. практику, концептуализирован в работах Холла как поворот от структурализма к культурализму [Hall, 2000, 40-44]. Он создает особый фокус индивидуальной перспективы при рассмотрении культуры. Этот поворот привел к тому, что в cultural studies центральное место занимает понятие практики как осмысленный для индивида горизонт его действий, а также большое значение уделяется исследованию аудитории.

Помимо этого, заметно влияние на cultural studies постструктурализма М. Фуко в части его критики дисциплинарной власти как выражения официальной культуры. Однако если Фуко описывал деиндивидуализацию человека, превращение его в винтик в государственной машине, находящийся постоянно под подчинением и контролем, а также вскрывал устойчивые структуры подчинения, наблюдения и контроля [Шапинская, 2010]. Французский философ говорил о том, каким образом внутренний мир деформируется под влиянием внешнего подавления, утверждал необходимость заботы о себе, как об определенной практике восстановления внутреннего мира. В то же время представители cultural studies восприняли теорию Фуко в несколько другом ключе, а именно заявили о том, что дисциплинарная власть закрепощает всякого индивида, загоняет его в тиски собственной индивидуальности. Констатируется скованность человека обстоятельствами внутреннего мира, что создает необходимость снять различие между внутренним и внешним, то есть, фактически, превратиться в тот самый субъект истории, о котором говорил Альтюссер.

В этом смысле cultural studies исходят из критики больших нарративов – метанарративов, показывая их функцию власти и присвоения. При этом фиксируется, что метанарративы являются не столько инструментами познания, сколько инструментами власти. Одновременно в cultural studies метанарративы описываются как ложное сознание, отождествляясь с идеологией.

Наконец, в cultural studies была сформулирована эвристически полезная концепция циркуляции культуры, что эпистемологически выделяет данную исследовательскую программу в сравнении с другими культурологическими теориями второй половины XX века. Концепция циркуляции культуры фиксирует пять основных элементов – производитель культуры, потребитель культуры, репрезентация (формы явленности культуры), дистрибуция (каналы распространения культуры и инструменты ее регуляции), идентичность. Их рассмотрение

позволяет совершить комплексный анализ культуры и получить эвристически достаточное знание о ней.

Заключение

Можно констатировать, что cultural studies возникают как попытка институционализировать левую мысль, превратив ее из политического инструмента в инструмент производства знания. В cultural studies на практике изучают протестную культуру и движения меньшинств, помещая их в широкий социокультурный контекст.

В рамках cultural studies был предложен целый ряд продуктивных, эвристических моделей анализа культуры. И именно эти методологические структуры, на наш взгляд, являются главным наследием этой исследовательской программы, оказавшей значительное влияние на развитие современной практической культурологии.

Библиография

1. Задворнов А.Н. Социально-регулятивные возможности общественного сознания в современном обществе // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 2. С. 90-92.
2. Катаев Д.В. Социокультурные детерминанты экономического действия в социологии Макса Вебера // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2 (39). С. 202-204.
3. Коваленко Д.Г. Современная культурология, cultural studies и новые медиа // Вопросы культурологии. 2011. № 7. С. 25-29.
4. Ларин Ю.В. Эпистемология культуры: история и философия наук о культуре. Тюмень: РИЦ ТГАКИиСТ, 2013. 229 с.
5. Тарасов А.Н. Экономическая культура общества в условиях современной социокультурной трансформации евроатлантической цивилизации: философский аспект // Фундаментальные исследования. 2012. № 9-1. С. 182-185.
6. Шапинская Е.Н. Культурология после постмодернизма // Культурологический журнал. 2010. № 1. URL: http://cr-journal.ru/files/file/01_2011_11_59_31_1295513971.pdf
7. Göttlich U. Kultureller Materialismus und Cultural studies: Aspekte der Kultur- und Medientheorie von Raymond Williams // Kultur – Medien – Macht: Cultural Studies und Medienanalyse. Wiesbaden: VS, 2008. S. 93-107.
8. Hall S. Cultural studies: Two paradigms // Culture, ideology and social process: A reader / Ed. by T. Bennet, G. Martin, C. Mercer, J. Woollacott. L.: Open univ. press, 1981. P. 19-37.
9. Hall S. Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies // Hall S. Cultural Studies: Ein politisches Theorieprojekt. Hamburg: Argument, 2000. S. 34-51.
10. Hepp A., Winter R. Cultural Studies in der Gegenwart // Kultur – Medien – Macht: Cultural Studies und Medienanalyse. Wiesbaden: VS, 2008. S. 9-20.
11. Williams R. Problems in materialism and culture. L.: New left books, 1980. 277 p.
12. Williams R. The politics of Modernism: Against the New Conformists. London: Verso, 1989. 224 p.

Cultural studies as an alternative grammar of discourse about culture: neo-Marxist receptions and socio-political practice

Dmitrii A. Belyaev

Doctor Philosophical Science,
Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
398020, 42, Lenin st., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Irina M. Kondratyuk

PhD student,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
398020, 42, Lenin st., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: ulyana-sin@yandex.ru

Irina V. Nelyubova

PhD student,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
398020, 42, Lenin st., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: gesha.prineva@mail.ru

Aleksandr G. Trubitsin

PhD student,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
398020, 42, Lenin st., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: trubicin.1985@mail.ru

Abstract

The article discusses video games as an artistic phenomenon of modern screen culture; emphasizes the fundamental possibility and scientific legitimacy of their definition as a virtual-digital form of screen art. The proximity of the architectonics of the means of artistic expression of cinema and video games, as well as their cultural dialogue is revealed. Three dynamically related dimensions of the artistic and aesthetic explication of video games are distinguished - visual, narrative and sound. Using specific empirical examples, the visual aesthetics of video games is analyzed with the refinement of the characteristic forms of screen expressiveness. The presence of artistic components at the level of storytelling is also comprehensively considered. The uniqueness of the interactivity of the narrative, which creates an exceptional experience of subjective involvement and co-authorship of game cybertext, is emphasized. Finally, the possibilities of sound means of artistic expression of video games are investigated. It is concluded that video games are becoming the space for creating new experimental and artistic examples of virtual-screen art. They incorporate new procedurally interactive features of a video game, creatively combining them with classic aesthetic experience.

For citation

Belyaev D.A., Kondratyuk I.M., Nelyubova I.V., Trubitsin A.G. (2020) Cultural studies kak al'ternativnaya grammatika diskursa o kul'ture: neomarksistskie retseptsii i sotsial'no-politicheskaya praktika [Cultural studies as an alternative grammar of discourse about culture: neo-Marxist receptions and socio-political practice]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (1A), pp. 73-80. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.009

Keywords

Cultural studies, Althusser, Hall, social protest, discriminatory groups, culture.

References

1. Zadvornov A.N. (2007) Social and regulatory possibilities of public consciousness in modern society. Bulletin of the Bashkir University. Vol. 12. № 2. pp. 90-92.
2. Kataev D.V. (2013) Socio-cultural determinants of economic action in sociology of max Weber. The World of science, culture, education. № 2 (39). pp. 202-204.
3. Kovalenko D.G. (2011) Modern cultural studies, cultural studies and new media. Questions of cultural studies. № 7. pp. 25-29.
4. Larin Y.V. (2013) Epistemology of culture: history and philosophy of cultural Sciences. Tyumen, 229 p.
5. Tarasov A.N. (2012) Economic culture of society in the conditions of modern socio-cultural transformation of Euro-Atlantic civilization: philosophical aspect. Fundamental research. № 9-1. pp. 182-185.
6. Shapinskaya E.N. (2010) Cultural studies after postmodernism. Cultural journal. № 1. URL: [http:// http://cr-journal.ru/files/file/01_2011_11_59_31_1295513971.pdf](http://cr-journal.ru/files/file/01_2011_11_59_31_1295513971.pdf)
7. Göttlich U. Kultureller Materialismus und Cultural studies: Aspekte der Kultur- und Medientheorie von Raymond Williams // Kultur – Medien – Macht: Cultural Studies und Medienanalyse. Wiesbaden: VS, 2008. S. 93-107.
8. Hall S. Cultural studies: Two paradigms // Culture, ideology and social process: A reader / Ed. by T. Bennet, G. Martin, C. Mercer, J. Woollacott. L.: Open univ. press, 1981. P. 19-37.
9. Hall S. Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies // Hall S. Cultural Studies: Ein politisches Theorieprojekt. Hamburg: Argument, 2000. S. 34-51.
10. Hepp A., Winter R. Cultural Studies in der Gegenwart // Kultur – Medien – Macht: Cultural Studies und Medienanalyse. Wiesbaden: VS, 2008. S. 9-20.
11. Williams R. Problems in materialism and culture. L.: New left books, 1980. 277 p.
12. Williams R. The politics of Modernism: Against the New Conformists. London: Verso, 1989. 224 p.